

Эйльбарт Н. В. Отражение событий Смутного времени в польской поэзии первой четверти XVII века (на примере творчества Адама Владиславского) / Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2017. — № 1. — С. 215—225.

Eylbart, N. V. (2017). Reflection of Time of Troubles Events in Polish Poetry of the First Quarter of 17th Century (by Example of Adam Vladislavsky's Works). *Nauchnyy dialog, 1*: 215-225. (In Russ.).



УДК 94(47).045+94(438)

Отражение событий Смутного времени в польской поэзии первой четверти XVII века (на примере творчества Адама Владиславского)

© Эйльбарт Наталия Владимировна (2017), доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), ejlbart@mail.ru.

В статье в качестве исторического источника рассматривается польская поэзия первых двух десятилетий XVII века. Акцентируется внимание на произведениях Адама Владиславского, краковского ремесленника, представителя так называемой «мещанской поэзии», в которых в той или иной мере нашли отражение события Смутного времени в России. Подробному анализу подвергнуто произведение «Плач (или Лamentация) царицы московской». Перевод стихотворения на русский язык выполнен автором статьи. Отмечается, что стихотворение носит не столько элегийный, сколько политический характер: оно написано от имени Марины Мнишек и содержит призыв к соотечественникам — отомстить за нанесенные ей обиды. Дается характеристика такой поэзии как средства влияния на общественное мнение, как рупора пропаганды тех или иных политических кругов Речи Посполитой того времени. Делается вывод о том, что автор проанализированных произведений не являлся сторонником какой-либо определенной политической платформы, а его точка зрения, выражаемая в поэзии, зависела от быстро меняющейся конъюнктуры, которая в свою очередь находилась в тесной взаимосвязи с патронатом тех лиц, по чьему заказу в тот или иной момент создавались стихи.

Ключевые слова: Смутное время; Московское государство; Речь Посполитая; Марина Мнишек; Сигизмунд III; польская поэзия; Адам Владиславский.

1. Польские старопечатные издания как исторический источник

События, получившие в отечественной историографии название *Смутного времени*, а в польской обозначенные как *дмитриады*, нашли свое отражение в современной им польской литературе, рассчитанной

на самый широкий круг читателей. Поэтому, говоря об источниках, относящихся к рассматриваемой эпохе, нельзя обойти вниманием этот пласт специфической литературно-художественной документации. Несмотря на то, что в последнее время наблюдается тенденция к переводу на русский язык и введению в отечественный научный оборот новых польских архивных документов, имеющих отношение к Смуте [Тюменцев, 2005; Эйльбарт, 2012а; Эйльбарт, 2012б; Эйльбарт, 2015а; Эйльбарт, 2015б], так называемые старопечатные издания (по-польски *starodruki*) воспринимаются историками в большей мере в качестве художественных памятников. Однако, на наш взгляд, если попробовать взглянуть на них не с литературоведческой, а с источниковедческой точки зрения, реконструкция исторической действительности приобретет большую полноту и яркость.

Польские старопечатные издания, тем не менее, неоднократно привлекались исследователями Смутного времени в качестве вспомогательного материала, но далее перечисления имен авторов и названий произведений, а также краткой характеристики общего смысла текста, состоящей из нескольких предложений, подобный анализ не шел. В связи с этим стоит упомянуть панегиристов семьи Мнишек Станислава Гроховского, Яна Забчица, Яна Юрковского [Костомаров, 1994], а также королевского дворянина и памфлетиста Павла Пальчовского [Флоря, 1978]. В данной статье мы обратимся к творчеству ранее практически не упоминаемого в отечественной литературе автора — Адама Владиславского (Вроцлавчика). Согласно устоявшейся в польской филологической науке на протяжении прошлого века традиции его произведения относят к «мещанской поэзии» [Badecki, 1936, 1948], поскольку сам автор принадлежал к мещанскому сословию, однако круг его читателей, разумеется, не ограничивался представителями собственной социальной прослойки. Мещанскую поэзию читало духовенство (периодически вынося запреты на наиболее откровенные в эротико-сексуальном плане произведения), влиятельные сановники и даже сам король. Поэтому неудивительно, что «мещанские поэты», по выражению польского филолога Д. Пискош, «были способны писать все и обо всем» [Piskosz, 1956], и разнообразие жанров в этом случае обусловлено как «разношерстностью» целевой аудитории, так материальными причинами.

Можно смело сказать, что в то время не существовало представителей профессии «свободного поэта», не писавших так называемых «заказных» произведений в угоду сильным мира сего. Таким образом, польскую поэзию, затрагивающую события Смутного времени в России, можно рассматривать через призму борьбы внутри самой Речи Посполитой аристократических группировок, желавших реализовать свои интересы в Московском

государстве или же добиться перемены правления внутри собственной страны. В основном заказы от польско-литовской аристократии касались панегириков или «песней» в честь свадеб знатных семейств или же получения тем или иным представителем «магнатерии» высокой должности. Но крупное политическое событие, к которому следует причислить Смутное время, вызывает к жизни еще некоторое количество литературных произведений, при помощи которых польские политики стараются создать определенное общественное мнение внутри страны. Следуя пожеланиям своих спонсоров, поэты порой совершенно беспринципно славословят в адрес короля и регалистов, а в следующем произведении, словно забыв прежние призывы, выступают за защиту шляхетских вольностей, хвалят рокошан и просят вернуть корону Марине Мнишек.

2. Биографические сведения об А. Владиславском

Рассмотрим здесь творчество одного из самых выдающихся, на наш взгляд, представителей польской мещанской поэзии — краковского ремесленника Адама Владиславского (который, вероятно, оттого, что предки его происходили из Вроцлава, был прозван «Вроцлавчиком»). Биографические данные о нем, находящиеся в нашем распоряжении, довольно скудны. Известно, что он принадлежал к цеху краковских «бумажников», то есть имел непосредственное отношение к книгоизданию и, скорее всего, с юных лет увлекался стихосложением. С 1610 года он проживал на территории Литвы. До нас дошли произведения Владиславского, напечатанные в 1608—1613 годах, среди которых московским событиям, в частности, посвящены стихи из сборника, вышедшего в 1609 году в Кракове, под названием «Потешные забавы и разные шутки» [Władisławiusz, 1609]. Среди острых эпиграмм, «фрашек» (сатирических четверостиший) и различных анекдотов в этой книге содержатся и произведения политического характера: два элегийных «плача» и хвалебная песнь в честь похода Сигизмунда III под Смоленск. Из биографии Владиславского известно также, что он политически симпатизировал знаменитому рокошанину, краковскому воеводе Николаю Зебжидовскому, а меценатами изданий его книг становились дворянские семьи Стройновских и Домарацких — активные участники «дмитриад» (например, один из представителей семьи Домарацких — Матвей — был ротмистром еще у первого самозванца во время его похода из Самбора в Москву). Поэтому неудивительно, что автор симпатизирует им, в частности, в двух поэтических произведениях, написанных в форме ламентации: «Плаче московской царицы» и «Сердечном плаче одной благородной пани, муж которой погиб в Москве при царице». Обратимся к их анализу.

3. Стихи А. Владиславского о героях Смуты

«Плач московской царицы» написан в жанре скорбной речи (обращение свергнутой царицы Марины Мнишек к соотечественникам), которая весьма умело преподносит Мнишек в качестве жертвы всех и вся. В современной политической терминологии можно было бы назвать это пиаром, саморекламой, а Владиславского охарактеризовать как умелого имиджмейкера, пытающегося обратиться в сочувствие всеобщую зависть, насмешки и злорадство, возникающие в польском обществе при упоминании честолюбивого семейства Мнишек. Эта ламентация представляет собой весьма любопытный памятник политической пропаганды, он никогда еще не переводился на русский язык, поэтому позволим себе привести здесь наш подстрочный перевод, поскольку это облегчит исторический анализ текста.

Плач московской царицы

*И кого винить мне в сем великом горе,
Я теперь в темнице, бывши на свободе.
Скорбна та дорога на восток ко солнцу,
Коей я пустилась в царскую столицу.*

*Горестны посольства, кои присылали
В милый дом отцовский и меня желали.
И дары несчастны, что бесценны были,
Ведь они бедою счастье обратили.*

*Похвалы несчастны, что меня встречали,
Ведь они измену с этим замыслили.
И весь брак несчастен, оборвался скоро
И добавил только грусти мне и горя.*

*Очи увлажняя, сердце в клочья рвется
Зная, что народы надо мной смеются.
Где же эта слава, что везде гремела,
Как воеводянка на трон московский села?*

*Столь большому счастью в мире удивлялись,
Что внезапно дому моему досталось.
А теперь дивятся этой перемене,
Добрые поляне молча сожалеют.*

*Ведь и их несчастье, как меня, постигло,
И немало оных там же и погубло.
В путь же провожали все меня сердечно,
Думая, удача будет со мной вечно.*

*Богом присягаю, создавшим натуру,
Что я не желала царского титула.
Не желала злата и богатой доли,
Родителей любимых выполняя волю.*

*И к чинам коронным были речи тоже,
Это разрешили первые вельможи.
Кто б не похвалил их — не было такого,
Польше то могло бы принести доброго.*

*Церковь Божья расширится в русскую краину
И в союз сплотит единый богатырских сынов.
Только то всегда являлось для меня желанно,
Чтоб святое имя Божье было прославлено.
И привесть те два народа к прочному единству,
Чтоб тебе вовек служили в верности и дружбе.*

*Но когда святая воля Божья состоялась,
По которой эта кара надо мною стала,
Благодарно принимаю это наказание,
Придет час, когда Создатель выполнит желанья.*

*Покарав, утешишь; вскоре и пробудишь
Прежние отрады и Иуд погубишь.
Вновь меня посадишь в золотой короне
И по милосердию охранишь на троне.*

*Что изволил дать, о Боже, своим провиденьем
Приведешь ты, несомненно, также к завершенью.
И поможешь нашей польской благородной крови,
Наказать Москвы измену, что случилась, вскоре.*

Таким образом, Владиславский, наследуя традиции римских ламентаций, или «плачей», от имени героини стремится потрясти читателя

постигшими ее несчастьями и призывает помочь ей. Согласно предположениям польских филологов, это произведение могло быть написано им ранее 1609 года. Возможно, оно появилось уже в 1606 году сначала в виде листовок, которые распространялись среди жителей Кракова и, возможно, всей Речи Посполитой, информировавших наподобие газетной новости о злоключениях Марины [Krzywy, 2006]. Кому и для чего необходим был этот образ несчастной жертвы превратностей судьбы? Безусловно, в этом были заинтересованы представители многочисленного семейства Мнишек, их родственники и друзья, в частности, непосредственно финансировавшие издание сборника сандомирские дворяне Стройновские (трое братьев Стройновских находились в московском плену после убийства Лжедмитрия, в последующем состояли в войске Тушинского вора, а их отец Станислав Стройновский, несмотря на почтенный возраст, был одним из предводителей «лисовчиков») [Dzieduszycki, 1844]. Родственники плененных в Московском государстве свадебных гостей делали все для их освобождения, в том числе пытались склонить общественное мнение к войне за справедливое, с их точки зрения, дело. Вероятно, отношение к Мнишкам и к возвышению Марины в среде польского дворянства было весьма неоднозначным, и не зря Владиславский отмечает «насмешки всех народов», коим подвергается воеводянка. Слишком очевидны желания всякого знатного семейства возвыситься, прославиться и обогатиться, и, конечно, семья Мнишек не была исключением, а ее первоначальный успех в России у многих пробуждал зависть, падение же — злорадство. Будучи «человеком из народа», тонко чувствующим общественное мнение, Владиславский пытается изменить его тонким психологическим ходом, вызвав у публики жалость к героине. Он придает Мнишек черты истовой католички, скромной девушки, не мечтавшей о власти и короне. В его интерпретации Марина всего лишь повиновалась воле родителей, мечтала о воссоединении «двух богатырских народов», всеобщем мире и спокойствии. Ей не принесло счастье то, чему так завидовали соотечественники: ни брак с царем, ни дорогие подарки, ни славословия новых подданных, — все это обернулось темницей, из которой она умоляет «благородных полян» ее спасти и «отомстить иудам». Разумеется, у мужчины, воспитанного в духе «рыцарских добродетелей», обида, нанесенная знатной женщине, должна была вызвать желание отмщения, и именно на это рассчитывал поэт, создавая политический имидж панны Мнишек. На наш взгляд, этот образ пришелся по вкусу самой Марине, она безусловно читала эти стихи, и многое в ее последующем поведении в тушинском лагере повторяет ту линию, которая была создана Владиславским. Тушинская царица весьма успешно

эксплуатировала образ беззащитной и всеми покинутой сироты, умолявшей «рыцарство» защитить ее, восстановить «божью справедливость», и в таком же духе выражалась в своем прощальном письме к войску перед побегом из лагеря под Москвой зимой 1610 года. Однако христианскую скромность, столь старательно воспетую поэтом, панне Марине удалось сыграть не вполне убедительно — ее горячая кровь и фамильное высокомерие как истинные черты ее натуры, разумеется, берут верх: в том же письме она беспощадно клеймит своего короля и тех соотечественников, кто «осмелился» предать ее и перейти в лагерь регалистов [Эйльбарт, 2015; Эйльбарт, 2016].

Второй элегией-ламентацией, написанной Владиславским, становится «Сердечный плач одной благородной пани, муж которой погиб в Москве при царице». Судя по содержанию, написана она позже «Плача московской царицы»: политическая ситуация изменилась, и прежние герои в ней становятся «антигероями». Видимо, здесь поэт становится на позицию королевских сторонников, желающих начать войну с Московским государством. Главным действующим лицом лamentsции является некая шляхтянка, которая вот уже четыре года ждет возвращения мужа из Москвы, не желая верить в его смерть. Для создания образа жестокого и коварного восточного соседа Владиславский не жалеет пропагандистских красок, в частности, обращаясь к Богу с просьбой «унять лживый московский народ». Здесь вновь слышатся призывы отомстить «прежние обиды», имея в виду избиение поляков на свадьбе Лжедмитрия I и Марины:

*Пусть меч кровавый тем краем владеет,
Ибо сей злой народ сирот не жалеет.*

*Пожалей же, о Боже, поляков любезных,
Что приняли смерть от псов вероломных.*

В то же время в этой лamentsции поэт недвусмысленно насмехается над теми, кого призывал защитить в предыдущем «Плаче»:

*И воевода вновь есть уж в Самборе,
Царя не нашел он при польском таборе.*

В этих строках Владиславский намекает на отца Марины Мнишек, сandomироского воеводу Юрия Мнишка, который вместе с дочерью отправился в лагерь Лжедмитрия II под Москвой и связал ее дальнейшую жизнь

с самозванцем, сам, однако, вернувшись в Польшу, так и не дождавшись вождя успеха «вора».

В третьем произведении, посвященном событиям Смутного времени, поэт становится самым ярким сторонником короля, прославляя его будущий успех в Московском государстве. Названо оно также весьма впечатляюще: «Новая песнь о счастливом отправлении из Вильно в Москву его милости короля польского Сигизмунда Третьего в 1609 г., который по милости Божьей уже в Московском государстве». То, с каким рвением Владиславский берется клеймить вероломство «клятвопреступников»-москвитян, вновь припоминая «прежние обиды», свидетельствует о непопулярности в целом королевской политики войны внутри самой Польши, следовательно, эту политику нужно было активно пропагандировать любыми средствами, порой самыми гротескными. Поэт утверждает, что Господь Бог «короля посадит на трон, а царя уничтожит», «уничтожит государей, пробравшихся к трону с черного хода» (имея ввиду шведского короля Карла Зюдерманландского и московского царя Василия Шуйского), сделает польского монарха «повелителем востока и запада». Владиславский призывает Сигизмунда разделиться с еретиками-православными в Московском государстве и еретиками-лютеранами в Швеции и верить только «сарматам», «благородному польскому племени», которое в огонь и в воду пойдет за своим королем. Кроме того, он утверждает, что время для похода на Московское государство самое благоприятное:

*Уж пятый год там наше войско тоскует,
Тебе, о король, приход приготовит.
И жаждут награды, ведь Москву ослабили,
Дай им щедро, король, они то заслужили.*

*В добавок москвитяне тебя ожидают
И скорее лицезреть желают.
И государем признать. Виват долгожданный
Король польский Зигмунт, нам от Бога данный!*

4. Выводы

Подводя итог историческому анализу поэзии Адама Владиславского, относящейся к событиям Смутного времени, необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, она была рассчитана на очень широкий круг преимущественно не посвященных читателей, поэтому широко использовала стереотипы массового сознания того времени («лживый и

жестокий москвитянин», «швед-еретик», «добродетельная жена-католичка»), и, похоже, эти узнаваемые стереотипы делали пропаганду успешной. Во-вторых, политические пристрастия автора меняются от произведения к произведению, до неприличия быстро, что отражает их явно «заказной» характер. В-третьих, противоречия данной пропагандистской поэзии являются отражением диаметрально противоположных интересов участников политической игры за московский престол — сторонников двора и влиятельных магнатских группировок.

Источники

1. *Badecki K. Polska liryka mieszczańska. Pieśni — Tańce — Padwany / K. Badecki. — Lwów, 1936. — 489 s.*
2. *Polska fraszka mieszczańska / oprac. K. Badecki. — Kraków, 1948. — 434 s.*
3. *Władisławiusz A. Krotofile ucieszne i żarty rozmaite / A. Władisławiusz. — Kraków, 1609. 45 s.*

Литература

1. *Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVIII столетия / Н. И. Костомаров. — Москва : Чарли, 1994. — 804 с.*
2. *Русский Архив гетмана Яна Сапеги 1608—1611 годов : опыт реконструкции и источниковедческого анализа / Тюменцев И. О. [и др.]. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. — 340 с.*
3. *Флоря Б. Д. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII вв. / Б. Д. Флоря. — Москва : Издательство «Наука», 1978. — 300 с.*
4. *Эйльбарт Н. В. Лжедмитрий II : происхождение и гибель. Свидетельства польских документов Государственного архива Швеции / Н. В. Эйльбарт // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2012а. — № 11. — С. 3—10.*
5. *Эйльбарт Н. В. Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой : мифы и факты / Н. В. Эйльбарт // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2012б. — № 12. — С. 19—27.*
6. *Эйльбарт Н. В. Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах ксендза Якуба Задзика (1612—1613 гг.) / Н. В. Эйльбарт // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2013. — № 1. — С. 3—12.*
7. *Эйльбарт Н. В. Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции. Комментированный перевод и исторический анализ / Н. В. Эйльбарт. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 2015а. — 401 с.*
8. *Эйльбарт Н. В. Семья Марины Мнишек : несостоявшиеся правители России / Н. В. Эйльбарт. — Санкт-Петербург : Издательство филологического факультета СПбГУ, 2015б. — 232 с.*
9. *Эйльбарт Н. В. Рукопись «Дневника Мартина Стадницкого» как источник по истории Смутного времени / Н. В. Эйльбарт // Клио. — 2016. — № 11 (119). — С. 59—66.*

10. *Dzieduszycki M.* Krótki rys dziejów i spraw lisowczyków / M. Dzieduszycki. — Lwów, 1844. — 379 s.

11. *Krzywy R.* Adama Władysławiusza lamenty „moskiewskie” w imieniu kobiet pisane / R. Krzywy // *Napis*. — 2006. — Seria XII. — S. 197—207.

12. *Piskosz D.* Adam Władysławiusz / D. Piskosz // *Prace Literackie*. — 1956. — Nr. 1. — S. 1—58.

Reflection of Time of Troubles Events in Polish Poetry of the First Quarter of 17th Century (by Example of Adam Vladislavsky's Works)

© **Eylbart Nataliya Vladimirovna (2017)**, Doctor of History, professor, Department of Russian History, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), ejlbart@mail.ru.

The article considers Polish poetry of the first two decades of the 17th century as historical source. Attention is focused on the works of Adam Vladislavsky, Krakow's craftsman, a representative of the so-called "bourgeois poetry," which to some extent reflects the events of the time of Troubles in Russia. The work "Lament of the Queen of Moscow" is subjected to a detailed analysis. Translation of the poem into Russian language was made by the author. It is noted that the poem is not so much elegiac but political in character: it is written on behalf of Marina Mnishek and urged compatriots to avenge the wrongs inflicted on her. The characteristic of this poetry as a means of influencing public opinion, the mouthpiece of the propaganda of certain political circles of the Polish-Lithuanian Commonwealth of that time is made. It is concluded that the author of analyzed works is not a supporter of any particular political platform, and his view expressed in poetry depended on the rapidly changing conjuncture, which in turn was in close relationship with the patronage of those persons by whose order at one or another time the poems were created.

Key words: Time of Troubles; Muscovite state; Polish-Lithuanian Commonwealth; Marina Mnishek; Sigismund III; Polish poetry; Adam Vladislavsky.

Material resources

Badecki, K. 1936. *Polska liryka mieszczańska. Pieśni — Tańce — Padwany*. Lwów. (Polish).

Badecki, K. (oprac.). 1948. *Polska fraszka mieszczańska*. Kraków. (Polish).

Władysławiusz, A. 1609. *Krotofile ucieszne i zarty rozmaite*. Kraków. (Polish).

References

Dzieduszycki, M. 1844. *Krótki rys dziejów i spraw lisowczyków*. Lwów. (Polish).

Eylbart, N. V. 2012a. Lzhedmitriy II: proiskhozhdeniye i gibel'. Svidetelstva polskikh dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 11: 3—10. (In Russ.).

- Eylbart, N. V. 2012b. Lzhedmitriy I i politicheskaya elita Rechi Pospolitoj: mify i fakty. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 12: 19—27. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2013. Pokhod Sigizmunda III i korolevicha Vladislava k Moskve v pismakh ksendza Yakuba Zadzika (1612—1613 gg.). *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1: 3—12. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2015a. Smutnoye vremya v polskikh dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii. In: *Kommentirovannyj perevod i istoricheskij analiz*. Novosibirsk: Izdatelstvo SO RAN. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2015b. *Semya Mariny Mnishek: nesostoyavshiesya praviteli Rossii*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo filologicheskogo fakulteta SPbGU. (In Russ.).
- Eylbart, N. V. 2016. Rukopis' «Dnevnika Martina Stadnitskogo» kak istochnik po istorii Smutnogo vremeni. *Klio*, 11 (119): 59—66. (In Russ.).
- Florya, B. D. 1978. *Russko-polskiye otnosheniya i politicheskoye razvitiye Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine XVI — nachale XVII vv.* Moskva: Izdatelstvo «Nauka». (In Russ.).
- Kostomarov, N. I. 1994. *Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya*. Moskva: Charli. (In Russ.).
- Krzywy, R. 2006. Adama Władysławiusza lamenty „moskiewskie” w imieniu kobiet pisane. *Napis*, XII: 197—207. (Polish). (In Russ.).
- Piskosz, D. 1956. Adam Władysławiusz. *Prace Literackie*, 1:1—58. (Polish). (In Russ.).
- Tyumentsev, I. O. 2005. *Russkiy Arkhiv getmana Yana Sapegi 1608—1611 godov: opyt rekonstruktsii i istochnikovedcheskogo analiza*. Volgograd: Izd-vo VolGU. (In Russ.).